
Д. В. КУЗНЕЦОВ

РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Бурное развитие электронной, компьютерной техники поставило на повестку дня вопрос о влиянии средств массовой коммуникации (далее СМК) на формирование духовного мира современного человека. Человек впервые за свою историю получил техническую возможность создать информационные технологии, которые из простых систем поиска, переработки и передачи информации очень быстро превратились в механизмы постоянного и широкомасштабного *контроля* и *трансформации* его же собственного сознания. Дело в том, что, в отличие от традиционных «материальных» технологий, продуктом которых является тот или иной товар в виде отдельной от самого человека вещи или услуги, продуктом информационных технологий по необходимости является определенное состояние самого сознания.

Влияние информации на сознание индивида имеет не только позитивную окраску. Дело в том, что в информационном обществе начала XXI века существует более широкая перспектива для манипуляции массами. В связи с этим видный исследователь информационного общества С. Московичи утверждает, что оно стало возможным только потому, что на протяжении всего нескольких поколений был совершен переход от культуры слова к культуре наглядных образов¹. Московичи обращает особое внимание на то, что масштабы манипуляции сознанием личности во многом определяются возросшей мощью и возможностями средств коммуникаций. Согласно его трактовке, мы имеем дело со стратегией массового «гипноза», коллективного внушения, когда не человек создает информацию, а информация создает человека.

---

¹ См.: Московичи С. Век толпы. М., 1998. С. 141.

Динамичное и направляемое информационное воздействие приводит к тому, что человек начинает во все большей степени жить не в реальном мире, а в мире информационных фантомов. Даже повседневную, привычную и неопровержимую реальность, с которой сознание сталкивается буквально на каждом шагу, он оценивает уже исходя в основном из опыта и системы ценностей, получаемых не от своего непосредственного окружения, а от комплекса существующих в обществе информационных технологий, в первую очередь от средств массовой информации. При этом получаемые и осваиваемые сознанием опыт и система ценностей являются не естественно вышедшими в ходе исторически обусловленных социальных отношений, а искусственно имплантированными в них специалистами в области информационных технологий в соответствии с целями заказчика – государства, частных компаний и лиц.

Неоднозначность и сложность современной коммуникационной ситуации, когда информация не только расширяет горизонты развития человечества, но и активно воздействует на внутренний мир личности, породили и неоднозначность их оценки среди исследователей. Если одни исследователи с восторгом перечисляют богатства способов массовой коммуникации, рассматривая их как совершенно новые, характерные лишь для XXI века явления, то другие за происходящими явлениями глядят с опаской, высказывая мнение, что преувеличенное внимание к ряду позитивных тенденций развития средств массовой коммуникации приводит к недооценке роли собственно манипулятивного фактора в структуре коммуникаций.

На наш взгляд, такая недооценка является следствием фактической реальной «затененности» современной личности различными коммуникациями. Мы должны учитывать, что СМК породили не только особые способы подачи информации, но и **массу** как субъекта-носителя (потребителя) особого типа сознания². Поэтому совершенно корректно будет поставить вопрос о перспективах более детального анализа механизмов формирования и влияния информации в сознании масс.

---

² Массовое сознание следует рассматривать как реально существующее в обществе сознание, имеющее своим исходным пунктом массы индивидов, их чувства, унастроения, поведенческую практику, коммуникативное взаимодействие. (См. работы А. К. Уледова, Ю. П. Ожегова, Б. А. Грушина и др.)

Если внимательно присмотреться к способам организации информационного потока в современном обществе, то станет очевидным, что под воздействием СМК происходят значительные изменения культурного образа человека. Существует ли у него свобода выбирать из предложенной ему информации и различных продуктов культуры то, что в значительной степени отвечает его внутреннему миру? Нет, не существует. Напротив, мы можем со всей уверенностью констатировать, что сегодня существует определенный мировоззренческий конфликт, поскольку в рамках одного общества могут свободно сосуществовать не просто различные, но и прямо противоположные системы ценностей и норм. Современная демократия дала человеку не только возможность обладать некоторым количеством либеральных свобод, но и поставила его в ситуацию, когда он просто-напросто не знает, чему же отдать ценностный приоритет. При этом чувство осознания собственной индивидуальности основывается исключительно на том, что человек включен в процесс этого «ценностного референдума», а не на том, как он сам видит свое бытие в мире. Все это существенно дискредитирует нравственную основу общества, ведет к потере «подлинно человеческого», провоцируя тенденции к дегуманизации не только общества, но и всей культуры. На наш взгляд, такое положение вызвано именно подавляющим воздействием информации и, как следствие этого, наличием определенной информационной зависимости человека.

Чтобы понять, что такое информация и почему она играет именно такую роль в современную эпоху, необходимо четко различать сообщение (или послание), интерпретацию или (восприятие) и коммуникацию. Сообщение (message) – это «вещь», то есть передаваемый продукт интеллектуальной деятельности человека; интерпретация – это «мысль», то есть приобретаемое знание; коммуникация – это лишь операция *передачи, трансляции*. Но в современном обществе (в чем согласно подавляющее большинство исследователей), именно эта операция трансляции есть определяющее, доминирующее звено в триаде *сообщение – коммуникация – интерпретация*.

В предыдущие периоды развития человеческого общества доминирующую роль играл процесс накопления знаний. Не случайно, что именно в прошлом были в общих чертах созданы те системы

объяснений реальности, которые с небольшими изменениями дошли до нашего времени и играют по-прежнему основную роль в процессе накопления объективной информации об окружающем мире. Принципиальное отличие современной эпохи заключается в ином – сейчас неизмеримо больше коммуникаций. Тиражирование (не путать с созданием) интеллектуального продукта, передача сведений о нем посредством печатных изданий, телеграфа, радио, телевидения, лекций и семинаров в рамках системы всеобщего образования, а теперь еще и сети Internet – вот что коренным образом отличает современное общество как информационное. И за словом «информация» кроется именно коммуникация, а не процесс накопления знаний. Например, наблюдая современных политиков и их избирателей, биржевых брокеров и их клиентов, журналистов и их аудиторию, нетрудно заметить: более информированный человек – это не тот, кто больше знает, а тот, кто участвует в большем числе коммуникаций.

Огромная техническая, экономическая, политическая и культурная роль информации объясняется именно тем, что она не содержательна («знание») и не предметна («продукт»). Информация *операциональна*. Информация служит обоснованием (оправданием) действий. Поэтому-то она столь необходима современному человеку.

В традиционном обществе, построенном на религиозном оправдании деятельности, и даже в обществе модернизирующемся, построенном на идеологическом оправдании деятельности, информация никак не могла претендовать на ту роль, что играет теперь. Только как коммуникация, а не как знание или предмет информации способна вызывать новые операции. Люди действуют, используя информацию, а коммуникационные потоки не только не поглощаются как ресурс деятельности, подобно сырьевым или энергетическим ресурсам, а напротив – умножаются и ускоряются. Это происходит потому, что информация не столько ресурс, сколько стимул (мотив) деятельности.

Итак, в современную эпоху *информация – это коммуникация, побуждающая к действию*. Если мы определим информацию подобным образом, то станет понятным, почему главным феноменом компьютерной революции стал Internet, а не обещанные футурологами гигантские электронные банки данных или искусственный

интеллект. Мы отлично знаем, что в глобальной сети Internet не создается никакого знания, но зато многократно увеличиваются возможности осуществления коммуникаций,

В организованном подобным образом информационном потоке на первое место выходит не передача данных о свойствах товара или услуги, т. е. рациональная денотация объекта, а создание его **образа**, мобилизующего скорее аффективные коннотации. Именно образ приносит прибыль в современной экономике и стимулирует развитие рекламного бизнеса. Не за монополию на передачу сведений воюют владельцы СМИ, а за создание выгодного им или их заказчикам образа событий. По меткому определению, данному М. Мак-Люэном еще в 60-х гг., действительным содержанием сообщения является сам сообщающий³. Это отношение предполагает обязательное наличие у интерпретатора позитивного или негативного **образа** сообщающего, и наличие адекватного знания при этом не является обязательным.

Таким образом, не в знании и не в его передаче, а в коммуникации, как создании привлекательных образов, заключается сила современного бизнесмена, политика, ученого, художника и т. д. Поэтому совершенно прав А. Турен, когда, избегая терминов «знание» и «информация», пишет, что в постиндустриальную эру социальные конфликты возникают по поводу «символических благ»⁴.

То, что коммуникация как создание образов играет в современном обществе решающую роль, подтверждает и концепция нынешнего лидера теоретиков информационного общества М. Кастельса. Кастельс начинает свой труд с тезиса о переходе от капитализма к информационализму, в условиях которого успех зависит в первую очередь от способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях. Однако, вопреки этой декларации, анализ новых форм экономики и культуры вынуждает Кастельса опираться на понятия «коммуникационная система», «сетевое общество», «образы», а отнюдь не на категории, указывающие на центральную роль знания⁵.

³ McLuhan M. The medium is message. N. Y., 1967.

⁴ Touraine A. The waning sociological image of social life // International journal of comparative sociology. 1984. N 1–2. Vol. 25.

⁵ Castells M. The information age: economy, society and culture. Oxford, 1996–1998. Vol. 1–3.

Позволим себе высказать мысль о том, что доминирование образности над рациональностью в процессе осуществления коммуникаций влияет не только на способы организации информации, но и на характер, «анатомию» всего общества в целом. Под влиянием «виртуально» ориентированного коммуникационного потока происходит «переопределение» общества. Когда общество является зависимым от электронных средств коммуникации и то, что считается социальной реальностью, «утрачивает» устойчивость и определенность, тогда возможно говорить об эфемерности, нестабильности, неопределенности, парадоксальности, иррациональности или вовсе об исчезновении социального бытия.

Если взглянуть на современное состояние коммуникаций с исторической точки зрения, то становится очевидным, что в прошлом, до изобретения письма, человек жил в акустическом пространстве: лишенный границ, направления, в мире эмоций, при посредстве первобытной интуиции, где речь являлась основным социальным «путеводителем». Изобретение письма положило конец господству эмоциональности; оно породило архитектуру, города, дороги, литературу и философию. Затем печатная техника создала публику. Мир электроники в свою очередь породил массу. При высоких скоростях электронных коммуникаций более стали невозможны чисто визуальные средства постижения мира. Они стали слишком медленными, чтобы быть своевременными и эффективными, поскольку коммуникация осуществляется на более высоких скоростях, нежели постепенное, рациональное накопление знаний.

Как только информация получена, она тут же замещается еще более свежей. Сформированный таким образом мир вынудил современного человека отойти от привычки классифицировать факты, выстраивать их в рациональную систему объяснений.

Как же влияет современная коммуникация на познавательную активность массовой личности? Не секрет, что XIX–XX вв. стали веком масс, веком появления общества массового потребления, веком стандартизованности не только условий жизни, но и мышления. В этом смысле XXI век стал веком не только масс глобального масштаба, но и веком «патологической» зависимости этих масс от информации (точнее от коммуникаций). Современная ком-

муникационная технология за последнее десятилетие своего развития стала доступной почти каждому члену массового общества. Масса стала активно включаться в виртуальную коммуникацию. Во многом это стало возможным благодаря Internet. Коммуникации, осуществляемые таким образом, не регулируются институциональными и групповыми нормами, которые направляют взаимодействие людей в их «несетевой» жизни. Это среда развития виртуальных сообществ, альтернативных реальному обществу. Активность индивидов, осуществляющих коммуникации через Internet, их силы и время переориентируются со взаимодействия с реальными друзьями, родственниками, коллегами на коммуникации своего виртуального эго со столь же виртуальными партнерами. Такое общество как раз и привлекательно *обезличенностью*, а еще более – возможностью конструировать и трансформировать виртуальную личность. Такого рода свобода позволяет возникать, существовать, распадаться многочисленным виртуальным сообществам, для которых «виртуальность» означает в первую очередь «эффемерность».

Такая «конструируемость» личности дает свободу идентификации: виртуальное имя, виртуальное тело, виртуальный статус, виртуальную психику, виртуальные привычки, виртуальные достоинства и недостатки. А виртуальная идентичность, в свою очередь, дает свободу коммуникаций. Индивид может симулировать принадлежность к любой социальной общности и за счет этого радикально расширить сферу возможных взаимодействий. Сообщества такого рода существуют до тех пор, пока их члены продолжают поддерживать привлекавшие их друг к другу образы.

Виртуальность личности, практикуемая активными пользователями Internet, неизбежно вызывает отчуждение реального тела, статуса и т. п. Отчуждение в данном случае означает скорее не полный разрыв, а отстранение, дистанцирование. Реальное становится одним из возможных (а не единственных) модусов бытия, которыми можно варьировать, играть, манипулировать. Такие атрибуты личности, как самоидентификация, индивидуальность, активными пользователями Internet утрачиваются; сознательно или неосознанно ими формируется размытая или изменчивая идентичность. Таким образом, мы можем предполагать, что мы становимся свидетелями постепенной *виртуализации личности*.

Во многом описываемые нами явления еще имеют характер тенденций. Мы не можем говорить о действительной и тотальной виртуализации современного массового общества, однако анализ тенденций (прежде всего негативных) говорит нам о том, что сценарий будущей тотальной виртуализации возможен. Основная мысль здесь состоит в том, что современная социокультурная ситуация, и в особенности ситуация в области массового сознания, может спровоцировать или уже провоцирует подобное «переопределение» общества.

Уже сегодня мы сталкиваемся с реальной проблемой утраты различения реального и воображаемого в массовом сознании. Современная коммуникация построена таким образом, что информационная среда оказывается доступной для разных людей, организаций, регионов и даже стран в различной степени. Происходит расслоение по уровням потребления информационных ресурсов и услуг. Массовая личность получает хорошо дозированную информацию в нужное время и в нужный момент. Она лишается возможности сортировать информацию, соотносить ее согласно критериям истинности и ложности и, как следствие этого, утрачивает возможность ориентироваться в социальной среде.

Информационные технологии, по мере своего развития, уплотнения и глобализации, обнаруживают весьма неоднозначный характер воздействия на телесный и эмоционально-психический строй человеческой личности. Характерные черты информационно-технологической парадигмы (сетевая логика, гибкость, всепроницаемость коммуникации и т. п.) требуют от человека новых, не присущих ему качеств: информационной толерантности и информационной активности. Как показывают социологические и психологические исследования, лишь относительно небольшая часть общества успешно адаптируется к изменениям, обусловленным сетевой логикой информационного общества. Уделом других становится психосоматическая дезадаптация личности, зачастую выражающаяся в невротизации и депрессии.

Таким образом, закономерно поставить вопрос о трансформируемости сознания личности. Под воздействием СМК ценности и культурные ориентации изменяются с поразительной быстротой. Стандартизированная, информационно-зависимая личность не свободна в выборе информации и тех продуктов культуры, которые ей предлагаются (навязываются). Безусловно, что массовый индивид

обладает достаточным количеством прав и свобод, однако стандартизованность (запрограммированность) его мотивации исключает чувство осознания собственной значимости, самооценности. Все это связано с функционированием современной массовой коммуникации, которая и формирует базу для так называемого эклектично-нетеоретического мышления. Плюрализм мнений здесь только кажущийся; на самом деле от нас ждут прогнозируемой реакции на готовую информацию. Необходимо только выбрать наиболее понравившийся вариант ответа.

Стремительно развивающиеся экранные технологии унифицируют (стандартизируют) мышление массовой личности. На первый план здесь выступает не слово, а образ, «картинка». Сила и выразительность визуальных образов многократно превышает возможности вербального воздействия. Мгновенная передача образов, яркость и ощущение непосредственности происходящего приводят к тому, что образ поднимается над содержимым. В свете изложенного мы можем констатировать, что серийность мышления на уровне массового сознания так нацелена на восприятие тиражированного продукта (информации), как средства передачи информации нацелены на его производство. Так называемый принцип «здесь и сейчас», внедряемый в массовое сознание, порождает у массы чувство безграничной свободы и всемогущества. Находясь в безопасности, индивид имеет возможность наблюдать за всеми важными событиями и происшествиями (виртуальное присутствие). Кроме того, он способен даже определять ход событий (конечно же, виртуально), поэтому в последнее время стали очень популярны интерактивные шоу в режиме on-line. Явления подобного рода порождают атмосферу бесконечного референдума, когда в поток социальной информации включены и производители и потребители информации.

Подобная зависимость сознания от внешних, неподконтрольных ему информационных воздействий порождает иррациональный страх перед тотальной манипуляцией, уходом от которого кажутся опять же иррациональные по сути вербальные лабиринты постмодернизма. Некоторые научные теории, например синергетика, дополняют складывающуюся картину введением понятий «бифуркационные изменения неравновесных систем», согласно которым принципиально невозможно предвидеть, по какой конкретно

из множества траекторий осуществится превращение системы, испытывающей кризис.

Все это приводит к неизбежной потере объективизированного критерия истинности и необходимости постоянного использования сложных и многообразных информационных технологий, механизмы и последствия действий которых, как правило, непонятны даже применяющим их субъектам. Это формирует у индивидуального, в особенности творческого, сознания приверженность господствующему мнению, поражающий у творческих личностей конформизм, инфантильную доверчивость и отсутствие критичности мышления. Эти черты проявляются, в частности, в широко распространившихся в последнее время мифах массового сознания о всемогуществе тайных сил (на любой вкус – мировой сионизм, американский империализм, инопланетные цивилизации, наркомафия, религиозные секты, олигархи и т. п.), в распространении «нетрадиционных» религий и культов, слепой веры в целителей-«экстрасенсов», городских шаманов и постиндустриальных колдунов.

Особенно болезненным выглядит на общем фоне «информационных патологий» сознания уже упомянутое выше распространение иррациональных страхов – различных фобий, произвольным и безотчетным разумом образом концентрированных на относительно случайных предметах и явлениях. Одной из причин таких фобий является внутренний конфликт между обстоятельствами реального мира, которые помнит, видит и знает недостаточно «информатизированный» человек, ставший объектом интенсивного воздействия информационных технологий, и теми образами и оценками данных обстоятельств, которые массированно и настойчиво внедряют в его сознание эти технологии.

В развитых странах распространение фобий способствует ускоренному и углубленному развитию новейших направлений психиатрии и психотерапии. Некоторые из этих направлений – структурно-семиотическое, нейродинамическое, трансперсональное – содействуют появлению новых, весьма мощных и перспективных технологий влияния на человеческое сознание. Новейшая психотерапия приобретает принципиальное значение еще и потому, что развитие информационных технологий привело к кардинальному изменению самой сути и глубинных механизмов сознания, а именно – к существенному изменению соотношения между логическим,

рациональным мышлением, опирающимся на вторую сигнальную систему, вербальный аппарат категорий и понятий, и эвристическим, творческим, интуитивным «инсайтом», озарением, опирающимся преимущественно на непосредственно чувственное восприятие (в том числе и вербальных сигналов).

Предполагается, что человеческое мышление все в большей степени будет вытесняться в дальнейшем в принципиально неформализуемую сферу творчества, основным инструментом которого являются интуитивные озарения, неподвластные рациональному контролю. При этом сознание будет опираться уже не на вербальную систему, являющуюся инструментом логики и результатом многоуровневого абстрагирования, то есть вынужденного отвлечения от реальности и ее упрощения, но на более сложную систему целостных образов, воспринимаемых непосредственно, без формализованных логических конструкций – слов. Большая по сравнению с вербально-логической системой эффективность данной интуитивно-образной, «иррациональной» системы познания объясняется принципиально меньшим уровнем абстрагирования и, соответственно, значительно меньшим объемом исключаемой из рассмотрения информации.

Если все приведенные выше аргументы касаются изменения характера мышления человека информационной эпохи, организации информации, то есть гносеологического аспекта проблемы, то сейчас необходимо затронуть и ценностный, морально-нравственный аспект этих изменений. Ряд исследователей отмечают, что обилие разных по составу и значимости новостей способствует их неадекватному моральному осмыслению и этической оценке. Определенное приравнивание в потоке информации важных и не важных с моральной точки зрения фактов приводит к «информационному цинизму»⁶. Например, для современных СМИ в качестве новости годится *все что угодно*. Значимое и менее значимое, неважное, выдающееся, малозначительное, выражающее главную тенденцию, эпизодическое – все это может быть без разбора выстроено в единообразный информационный ряд, причем единообразие по форме дает, как следствие, равнозначность и безразличность в отношении содержания.

---

⁶ См.: Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 328.

Откуда же берется эта лишенная всяких сдерживающих факторов тяга к информации, «наркотическая зависимость» от нее и эта необходимость ежедневно жить среди информационного шума, испытывая непрерывную атаку сознания огромными массами информации? Уже стало привычным то, что в иллюстрированных журналах в непосредственной близости друг от друга сосуществуют все контексты. Мы обнаруживаем сообщения о массовых бедствиях и о военных конфликтах по соседству с рекламой напитков, репортажи об экологических катастрофах – по соседству с объявлением о проведении концерта рок-музыки или очередного ток-шоу. Сознание современного человека поэтому имеет все возможности погрузиться в духовную разобщенность, дезинтеграцию от этого постоянного чередования важного и неважного, от непрерывного изменения значимости сообщений, которые сейчас требуют наивысшего внимания, а уже в следующий момент совершенно утрачивает актуальность. Не в этом ли «информационном хаосе» и заключается суть манипулируемости массовой личности?

Свобода получения информации все чаще понимается как свобода от какой бы то ни было этики и морали. Возведение культа насилия, разврата, безнравственности, порока в качестве жизненных нормативов, пропаганда гедонизма ведет к **деградации** даже такого явления, как масса. Массовые ценности, преподносимые через СМИ, стирая традиционные этнические различия, формируют новый тип личности. Свобода понимается такой личностью как вседозволенность. Плоды ее – насилие, убийство, суицид, наркомания, чреватые разрушением личности, семьи и государства. Снимаются все табу, утверждается, что все дозволено. Этика такого сознания сводится к высвобождению природных инстинктов. Имея целью жизни получение удовольствия и будучи неспособным к принесению каких-либо жертв, современный человек разочаровывается в жизни, замыкается на собственном бытии, перестает ощущать его ценность и значимость. Кроме всего прочего, потребляя информационную пищу без разбора, приобщаясь к массовым формам культуры, массовая личность постепенно теряет остатки индивидуальности, нивелируется, обезличивается. Благодаря новым информационным типам воздействий формируется новый антропологический тип, с низким уровнем интеллекта и культуры. Избыток же противоречивой информации в современный период,

когда человек буквально не в состоянии в ней разобраться, адекватно ее использовать в обществе, порождает отчужденность и взаимное непонимание. По выражению Бердяева, «... цель человека заполнена средствами к жизни, которые стали самоцелью»⁷.

Таким образом, в рамках философского дискурса основной ценностный вопрос человека-массы можно поставить следующим образом: «Способна ли личность к ответственному самоопределению в мире или она навсегда останется реализовавшей себя лишь в функциональном отношении, отчуждая себя как от органики, так и от собственной индивидуальности, приобретая устойчивые, стереотипные и предсказуемые качества?». Решение этого вопроса, на наш взгляд, должно быть связано с попыткой философии «преодолеть» новые «социальные программы», ставящие во главу угла желание манипулировать внутренним миром личности, создавать и внедрять в сознание новые системы ценностей.

Дело в том, что проблема **осознания** индивидом самого себя и окружающего мира неоднократно ставилась в рамках философии. Например, в учении Декарта, а затем и Фихте различие чувственного бытия как бытия противоположностей преодолевается в сфере *абсолютного сознания*. В связи с этим и решалась проблема свободы. Свое завершение этот подход получил в учении Гегеля, – основное внимание он уделил восхождению индивида в сферу научно-теоретического мышления, науки логики, где и происходит осознание законов развития мира и роли человека

Однако преодоление противоречия между возможностями ценностной самоидентификации личности и ее реальной зависимостью от информации получает в наше время не только социально-философскую значимость, но и реальный социальный смысл. В условиях глобального социума это должно стать одной из главных тем дискурса о проблемах массовой личности и коммуникаций. Выход из создавшегося положения следует искать в выработке способов контроля над информационным потоком, способов структурирования и подачи информации.

---

⁷ Бердяев Н. Философия неравенства. М.: Мысль, 1990. С. 137.